

МОЛОДОЙ ЛЕНИНГРАД

МАСТЕРСКАЯ

Проза

Молодой Ленинград. Проза

Ленинградское отделение
издательства «Советский
писатель», 1988 г., 496 стр.
Тираж 30 000 экз. Цена 2 р.

Главный редактор Глеб Горышин
Редколлегия: Владимир
Кавторин, Николай Коняев
(составитель),
Евгений Кутузов, Валерий Попов
Редактор Т.С. Харыкина

Художник Виктор Левченко

Повести: Елена Анфимова,
Дмитрий Каралис,
Павел Молитвин,
Александр Новиков

Рассказы: Владимир Алексеев, Александр Андреев, Леонид Басиков,
Илья Бояшов, Людмила Волчкова, Ольга Ефремова, Андрей Жуков,
Борис Морозов, Александр Мясников, Виктор Поповичев,
Алла Сельянова, Геннадий Соколов, Анна Сохрина, Анатолий Степанов,
Николай Черанев, Геннадий Чистяков, Николай Шадрунов,
Вячеслав Шориков, Сергей Янсон

Публицистика: Алексей Грякалов

Наши гости: Эргали Гер (Вильнюс), Александр Цыганов (Вологда)

ФЕНОМЕН КРИКУШИНА (отрывок из повести)

Первый рассказ Крикушина опубликовала многотиражка. В нем автор поведал о судьбе тихого и скромного инженера – Ивана Ивановича Мишкина, взяв прообразом своего коллегу Гришкина. Герой рассказа живет спокойной размеренной жизнью – ходит на работу, чистит дома картошку, выгуливает собаку Альму, помогает жене стирать белье и аккуратно отправляет в Саратов старушке маме свою квартальную премию. На работе он исполнительен, трудолюбив и незаметен по застенчивости характера. Начальство вспоминает его фамилию лишь при составлении колхозных списков и графиков дежурства в дружине.

Но вот приходит день, и Мишкин оказывается на высоте. Ему поручают расчет сложного узла для нового прибора, и он, подумав несколько дней, предлагает удивительное решение – сократить число деталей в конструкции со ста семнадцати до пятидесяти шести. Уменьшается вес, повышается надежность.

Начальство всплескивает руками. О Мишкине говорят в столовой и на совещаниях, докладывают министру. На узел выдается патент, его закупают разные страны, а Мишкина назначают руководителем группы. Но прибавку к окладу он все равно отправляет матери, которая одна вырастила его в войну...

Рассказ прочитали, поздравили молодого литератора с первой публикацией, позадирались к Гришкину, узнав его в герое рассказа: «Ну что, Гришкин, скоро патент получишь? Ха-ха-ха...» – а через несколько дней Гришкина вызвали к начальству и действительно поручили расчет сложного узла.

– Нам не обязательно его усовершенствовать, как в рассказе, – дружелюбно улыбнулось начальство, – достаточно уложиться в срок...

А еще через неделю по институту пронесся восторженно-удивленный слух, что Гришкин представил какие-то хитрые чертежи и в кабинете главного конструктора идет совещание, где раздаются громкие голоса: «Гениально! Немедленно патентовать! Это надо же!..»

Совпадение, решили все. Просто совпадение. Крикушин написал рассказ. Гришкина заметили, поручили ему расчет, и он решил не упустить такой случай. В принципе, если хорошенько помозговать, можно любой узел усовершенствовать...

Чуть позднее Гришкина назначили руководителем группы, и он признался, что разницу в окладах будет отправлять маме в Саратов. Им с женой хватит, а мать всю жизнь его одна тянула, пусть поживет на старости лет в достатке.

Вот такие пироги...

Вскоре Крикушин опубликовал в многотиражке еще один рассказ.

Вчерашняя школьница Наташа влюбляется в своего сорокалетнего начальника. Девушка стыдится пришедшего к ней чувства, запрещает себе думать о женатом человеке, который годится ей в отцы, дерзит ему, сознательно провоцируя ответную грубость, плачет по ночам, но продолжает любить. Начальник же ни о чем не догадывается, считает Наташу вздорной девчонкой-акселераткой и пытается от нее избавиться. Но на одной вечеринке пригляделся к этой дикой колючке с распускающимися бутонами, прозрел и влюбился сам. Следует недельный круиз на белом теплоходе, где герои запоздало объясняются в чувствах, пьют любовный нектар с привкусом морского ветра и бродят меж сосен по островам. Вернувшись домой, начальник признается во всем жене. Треск, грохот и выставленные в коридор чемоданы. Влюбленные месяц живут в пустующей квартире холостого приятеля, начальник охапками носит Наташе цветы – они стоят в вазах, банках и ведре, вся квартира в цветах, но вот возвращается хозяин, и наши герои расстаются. Начальник, не выдержав слез жены, возвращается к семье, потупив взгляд. Наташа увольняется...

Так все и получилось в жизни. Весь институт с напряженным интересом следил за любовной мелодией, разыгрываемой по нотам Крикушина.

После двух рассказов, финал которых подтвердился в жизни, отношение к Крикушину изменилось. О нем заговорили как о человеке, обладающем непонятным и загадочным даром. Нашлись люди, вознамерившиеся прибрать Крикушина к рукам и использовать. Они зазывали его в компании, пытались щедро угощать, всячески заигрывали с ним и нашептывали возможные темы новых рассказов в надежде, что, написанные легкой рукой Крикушина, они сбудутся. Но Крикушин отнесся к назойливым ухаживаниям более чем прохладно. А его независимый вид в сочетании с молчаливостью были истолкованы как признак силы, с которой следует обходиться весьма деликатно.

Молодые сотрудники стали позволять себе дерзкие шуточки: «Погоди, я шепну Крикушину, – весело грозились они в столовской очереди. – Он напишет рассказ, где ты ломаешь ногу».

Наиболее нервные и впечатлительные натуры потребовали ввести обязательные публичные читки крикушинских произведений. Они волновались, что в печать проникнут рассказы с нежелательными финалами. Предполагалось, что это будет нечто вроде общественной редколлегии.

Третий рассказ Крикушина появился в молодежной газете.

Все признали его феноменальным. Но еще более феноменальными были последствия.

ВИШЕНКА (отрывок из рассказа)

Вишенка – девочка маленького роста, волосы были когда-то каштановые (сейчас посветлели, назад зачесаны и завивка!), курносая, тоненькая, простодушная. Всегда улыбается – наивная улыбка, не глупенькая, а наивная... Ребенок, хотя уже и завивка, и «бананы»...

Вишенка! Оказывается, ты живешь этажом выше с матерью и сестрой, в двухкомнатной квартире, и мать заботится только о том, чтобы накормить вас. После школы, длинной, тягучей школы – ПТУ напротив. ПТУ – это еще не так плохо, раз не тянет к учебе. Швейное ПТУ – швея. Это не маляр, не каменщица – это швея, почти белошвейка. Ты сшила себе «бананы» (замечательно сшила, добротню), и с новыми подружками не расстаешься (подружек много), и после восьмого класса, сразу откинув серую школьную жизнь, потянулась к другой. И однажды, задыхаясь от восторга (ну почему маленькие радости не могут вызвать большой восторг?), лизнула французскую помаду и провела ею по губам.

Волосы ножницами – щ-щек!.. щ-щек! – каштановые волосы осыпятся – их выметут шваброй.

И вот в зеркале мальчишка, мальчишка в зеркале, чуть испачканном с угла мылом. Коротенькая стрижечка, химическая завивка. Парикмахер, лощеный хмырь, пристально оглядывает клиентку, любясь работой, словно ненароком обращая чуть большее внимание на вырез блузки.

Были удивительно густые волосы, а сейчас массажной щеткой Вишенка зачесывает назад то, что осталось, и в вестибюле никак не попрощается с зеркалом, теперь уже большим, во всю стену... Она пытается охватить себя со стороны, спрятав ладони в карманах джинсовых шаровар. И вот теперь-то совершенно не отличить – растворилась успешно в толпе возле нового бара, встала на одну ступень с другими. Тебя теперь трудно найти, трудно описать – ты этого хотела, ты этого добилась, да еще и шепчешь тихо, чтобы никто не слышал: «Хочу итальянские колготки!»

И тебе нет дела до меня, дрянная девчонка, тебе нет дела до моего письменного стола – тебе есть дело только до грохочущих барабанов по субботам.

Не уходи, не уходи,

Хоть пять минут побудь со мной...

ВСЕГО ОДИН ДЕНЬ (отрывок из рассказа)

В палатке начальника тихо. Начальник поднимает голову с постели:
– Володя, – кричит он, – Фуга?!

Фуга на работу еще не готов. Он сидит на раскладушке и натягивает резиновые сапоги.

– Сейчас, Герман Иванович, – кричит Фуга и ругается тихо. – Что за жизнь? Не успел позавтракать – и сразу же на работу. И на кой хрен я поехал на Север с геологами. Лежал бы сейчас с Машкой на Малой Покровке, попивал бы холодное пиво.

– Володя, сколько раз тебе говорить, Фуга?!

Фуга, проклиная жизнь, начальника, геологическую экспедицию, вылезает из палатки.

В бороде у него пушинка еще с ночи, и одна портянка торчит из резинового сапога.

Начальник стоит перед своей палаткой, широко расставив ноги. Ветер приподнимает волосы на его голове. Издали в теплеющем воздухе кажется, что он чуть-чуть покачивается. Он манит рукой к себе Фугу.

– Фуга, а ну-ка иди сюда.

Фуга, не спеша, вразвалочку, подходит к начальнику, он улыбается.

– Герман Иванович, – говорит он. – По Вашему приказанию изволили прибыть-с.

– Фуга, – с угрозой в голосе говорит начальник.

И Фуга уже без улыбки смотрит на начальника. Он ждет, что же будет дальше.

Так они стоят друг перед другом. Так смотрят они друг на друга. Фуга первый опускает свой взгляд, морщится, как от зубной боли; снимается с места, идет искать лоток и лопатку.

Начальник наблюдает, как он это делает.

«Ах, Володя, Володя, – шепчет он. – Лентяй ты, братец. Вот и придется тебя обидеть».

Но вот Фуга опять стоит перед начальником. В одной руке он держит лопатку, а в другой у него лоток. Он улыбается. «В конце концов, – думает он, – он имеет право в любых обстоятельствах улыбаться».

Начальник берет Фугу за плечи, поворачивает его спиной к себе. Так они стоят, борода начальника возвышается над головой Фуги. Начальник показывает рукой на север, туда, где синеют высокие горы.

– Георгий Иванович, будет сделано. Всегда пожалуйста. Сколько можно.

– Ах, Фуга, Фуга, – улыбается тот же начальник. – Трудно тебе придется в жизни. Придется тебя воспитывать.

И, еще раз взмахнув рукой по направлению гор, начальник дает Фуге коленкой под зад. Фуга роняет лоток, на лету его подхватывает и, не оборачиваясь, идет на север. И только по тому, как он небрежно шагает, по тому, что не оборачивается, можно догадаться, что он обиделся.

Начальник смотрит ему вслед.

«Да, – думает он. – Как это ни грустно, работа наказывает тех, кому она не интересна».

«На кой черт я связался с геологами? – невесело думает Фуга. – Лежал бы сейчас с Машкой на Малой Покровке и попивал бы пиво».

Пройдя с километр и повернув за холм, он кладет лопатку и лоток на землю, расстилает фуфайку и ложится, подперев голову рукой. Курит, думает. Он смотрит на долину, покрытую желтой болотистой травой, на каменистые горы, освещенные солнцем вершины.

Ему грустно. Он думает, что ему уже тридцать один год, что ничего у него нет: ни любви, ни семьи. Машка? Что Машка! Машка – это так. Вот была Наташка...

Тогда он учился в музыкальном училище и только что вернулся из армии.

Он ее любил, но она его бросила и вышла замуж за другого. Банальная история. «Дрянь – думает он. – Говорила, что любит, а бросила».

Он начал пить, из училища выгнали, и вот и появилась Машка, продавщица в зеленом магазине: «Маша, свесь хунтик картошки да зеленого луку поболе, страсть как люблю лук». – «Всегда пожалуйста, Володя. Вы мне очень нравитесь, Володя, вы такой симпатичный. И вообще!»

Фуга вспомнил это, усмехается. «Машка – бабка ничего, – думает он. – Машка добрая. Ее только приласкать – все тебе отдаст. Но и она тоже дрянь: вот уже два месяца, как он в поле, и ни одного письма, спуталась с кем-нибудь, наверно».

Фуге грустно. Ему грустно и потому что не хочется ему работать, намывать эти дурацкие шлихи. Все бы хорошо, если бы не ледяная вода. Ему жалко себя, но некому его пожалеть, нет даже Машки. Фуга вспоминает ее бедра, вздыхает и, закрыв глаза, хочет продлить воспоминания. Потом он поднимается, берет в руки лоток и лопатку, и медленно идет по долине, на север, где особенно ослепительно све-

тит солнце, где все голубое, чистое, снежное, где на камнях цветут нежно-голубые полярные незабудки, где текут холодные и прозрачные ручьи и реки.

У Фуги грустные думы, грустный шаг, но он все-таки медленно движется по долине.

Николай Шадронов

ИДЕЯ

Родители Петрика получили квартиру. Петрик остался на старой прописке в надежде, что дом скоро сломают. А дом все не ломают и не ломают. И Петрику пришла в голову идея. Поехал он в биологический институт, расположенный в нашем округе. Достал он там по великому благу жуков-древоедов. Жуки эти отличались страшной прожорливостью. Вместо брюха была у них реактивная труба в миниатюре. Сделал он все по инструкции, полученной от ученых. Насверлил в бревнах дырок, внедрил в дырки жуков, замазал цементом, чтобы жуки не могли дать задний ход, и стал ждать результатов. Прodelал он все на одной стене, чтобы дом скорее свалился с копыт.

Жуки дружно взялись за дело, будто подписали сообразительство. В бревнах началось шебуршение, дом стал коситься прямо на глазах. Так, по крайней мере, уверял Петрик. Он ходил вокруг дома и радовался. Начал уже покупать мебель для новой квартиры. Но шебуршение к концу лета прекратилось. Петрик припадал ухом к бревнам, недоумевая, отчего жуки взяли перекур; не выдержал, сделал несколько шурфов. Вся стена дома оказалась пропитанной осколками, оставшимися от последней войны.

Вечером в «Клубе знаменитых тунейдцев» Петрик жаловался:

– Фашисты, гады, сорвали мне всю операцию. Жуки эти ходят только по прямой, из бревна в бревно не перелезят. Наткнувшись на осколки, они стали осколками жевать. Немецкая сталь крепкая. Жуки сточили зубы и издохли – лежат кверху лапками...

– Купи других жуков, внедри со стороны Кронштадта, откуда стены не обстреливались.

– Болваны! – говорил Петрик тунейдцам. – Жуки эти любят тепло, они тропические. Теперь надо ждать следующего лета. А следующее лето может холодным выдаться.